

Кобенко Ю. В.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ ПРИРОДЫ ПСЕВДОЗАИМСТВОВАНИЯ

Предпринята попытка системного описания явления псевдозаимствования, характерного для современных литературных языков. В центре рассуждений находится экстралингвистический детерминизм данного явления, свойственный и обычным заимствованиям. Наиболее значимыми признаками псевдозаимствования выступают: вторичность по отношению к собственно заимствованию, образующему фундамент для дальнейшего функционирования иноязычного материала в языке-реципиенте; неизвестность и непонятность продуктов псевдозаимствования носителям самого языка-донора; манипуляторный характер образования псевдозаимствований, которые могут рассматриваться как продукты либо сознательной манипуляции носителями заимствованным морфологическим материалом, например, с целью эвфемизации, либо вынужденной, когда носители привлекают к словообразованию производящий морфемный материал языка-донора в силу его престижности. Преимущество предлагаемого подхода состоит в возможности холистической интерпретации природы псевдозаимствования с учетом тенденций социолингвистического и контактологического порядков.

Ключевые слова: псевдозаимствование, апостериорные образования, манипуляция, тенденции к диаморфизму, экzogлоссная языковая ситуация.

В последние годы в лингвистике отмечается появление работ, посвященных описанию явления псевдозаимствования и выполненных большей частью на материале немецкого языка, где действительно можно наблюдать образованные относительно недавно лексические единицы из морфемного англоязычного материала, отсутствующие, однако, в самом английском языке и/или в различных его вариантах (*Scheinanglizismen*). Наряду с этим укоренилась и, к сожалению, преобладает практика описания явления псевдозаимствования в типологическом ключе, т. е. как равнозначного и соположенного с другими типами лексического заимствования. За основу при этом берется обычная лексикологическая критериальная база, практикуемая отечественными и зарубежными лексикологами и предполагающая выделение классов явлений или, в лучшем случае, их гиперо-гипонимических свойств. Примечательно, что такой подход совершенно недвусмысленно и необоснованно лишает не только читателя, но и последователей системного понимания данного явления и возможности его дифференцированной интерпретации. Рассмотрение исключительно в лексикологическом (типологическом) ключе замыкает само явление в контуре парадигматики, представляя многоплановую, интересную природу псевдозаимствования не более чем продуктом лексического генезиса, а не функционирования языковой системы в контексте социального поведения самого человека. Для наглядности подобную одномерность можно сравнить с попыткой сплошной уравнительной инвентаризации различных органов человека без учета их различий по массе, строению, функции, времени и пути происхождения и только лишь на основе их одновременного присутствия в организме.

Любое заимствование преследует цель скопировать преимущество другого и, таким образом, сэкономить собственные усилия. Развитие вообще осуществляется главным образом за счет подражания наиболее значимым достижениям других особей, коллективов (в том числе языковых), систем и включения их в собственную стратегию эволюции. Кумулятивный потенциал человеческого и социального опыта тождествен кумулятивному характеру лексико-семантической системы языка, расширяющей свои возможности за счет интеграции иноязычного лексического материала.

Как и всякое явление в языке, заимствование является продуктом естественного или искусственного отбора: **естественный отбор** связан с социолингвистической природой заимствования, т. е. давлением престижных языков и безальтернативностью выбора используемого (иностранный) языка, к примеру языка-макропосредника (престижного металефта в определенной языковой ситуации); **искусственный отбор** имеет идиолектную и лингвополитическую природу: здесь человек или коллектив, принимая решение заимствовать из другого языка, руководствуется либо эстетическими принципами и заимствует **чужое** с целью обогащения **своего**, либо телеологическим критерием и заимствует с целью надобности того или иного обозначения, например, технической новации. Способы заимствования должны рассматриваться как каналы изменения языковой системы: с одной стороны, они разделяются на формальные способы (заимствование целых ксеноизмов (*дерби*, *фьорд*) или ксеноэлементов, к примеру: *гунер-*, *ультра-*) и содержательные, чаще всего представленные калькированием (*Rinderwahnsinn* – *коровье бешенство*); с другой стороны, заимствование – всегда компромисс между созданием гетерогенных рядов омонимов (нем. *Rock* «юбка» – *Rock* «рок-н-ролл») и полисемантов (рус. *звезда* в значении «знаменитость» по образцу англ. *star*) – двумя главными каналами семантического изменения словарного состава.

Вопреки убеждениям ряда лингвистов, **причины заимствования – умеренного или инвазивного типов – преимущественно экстралингвистического порядка**. Интралингвистические предпосылки, как правило, вторичны и оказывают на сам факт заимствования весьма опосредованное влияние. Например, до сих пор принято считать, что средства чужого языка заимствуются, как правило, при отсутствии собственных («слово *Bortschsch* появилось в немецком языке ввиду наличия лексической лакуны»), что никак не подтверждается исследовательской практикой.

Во-первых, сам язык никогда не ощущает потребность в том, чего нет в его составе: система языка, или диасистема, всегда условно завершена и укомплектована в определенном участке диахронии и успешно обходится собственными (в том числе адаптированными заимствованными) ресурсами. Единичные же речевые практики заимствования распространяются главным образом на локальный или идиолектный узус и редко становятся достоянием целой системы. Кулинарные реалии могут претендовать на лакунарность преимущественно в профессиональных лексиконах (нем. *Fach-*, *Berufssprachen*), т. е. в периферийных слоях лексико-семантической системы. Регулярность использования единицы *Bortschsch* в обиходной немецкой речи даже на территориях бывшей ГДР, где данная реалья более знакома современникам, предельно низка. Но даже совокупные симптоматические статистики использования данной или схожих реалий русской кухни в пределах современной (новой) ФРГ не доказывают необходимости ее или их заимствования по причине отсутствия в составе немецкого литературного языка. Указанная единица была заимствована немцами в начале XIX в. наряду с другими экзотизмами из русского языка (*Tundra*, *Balalaika*, *Samowar* и т. п.) исключительно для описания реалий русской жизни. Немцы вкрапляют подобные единицы в речь ввиду исторически обусловленной «жадности до чужого» (нем. *Fremdgierigkeit*), известной со времен немецкого лингвиста эпохи барокко Й. Г. Шоттеля (J. G. Schottelius), т. е. желания отразить **чужое** средствами **чужого**, для достижения своеобразного речевого иконизма, точного и неискаженного цитирования чужой культуры, что уже выдает в подобных дискурсивных практиках экстралингвистический детерминизм. Учитывая же наличие разветвленных грамматических конструкций в системе немецкого литературного языка, маркирующих чужие цитаты (использование конъюнктива, модальных глаголов *sollen* и *wollen* в субъективном значении; последнего большей частью в судебной речи), цитирование **чужого** в немецкой литературной речи представляется привычным явлением, а также прямым следствием превалирования экстралингвистических факторов заимствования над интралингвистическими. Даже если необходимость заимствования и появляется, она, как правило, вызвана влиянием престижного языка-донора на язык-реципиент, что и побуждает носителей

последнего использовать в речи единицы престижного металекта. По такому же принципу изучаются иностранные языки: в системах образования иностранными считаются не неизвестные в собственной стране (татарский в России), не самые распространенные в мире (мандарин, испанский), а те, которые оказывают наибольшее влияние на определенный языковой коллектив в силу своего престижа, т. е. английский в России, французский на Мадагаскаре, немецкий в США. Следует подчеркнуть, что все перечисленные предпосылки заимствования подтверждают его экстралингвистическую детерминанту.

Во-вторых, практика наблюдения за литературными языками, т. е. языками, обнаруживающими в своем составе адаптированный резерв гетерогенного материала, который образует поверх ядерных (базовых) структур лексико-семантической системы так называемый дополнительный (адаптированный) пласт, недвусмысленно показывает, что в подавляющем большинстве случаев заимствуются обозначения, дублирующие семантику уже имеющихся слов (ср. появление «модных слов» англоязычного происхождения в современной немецкой речи: *Nightliner* вместо *Nachtbus*, *Loser* вместо *Versager*). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что **языку проще интегрировать иноязычные единицы в уже имеющиеся семантические контуры**, где они существуют вначале в статусе синонимов или вариантов слов, а позже склоняются к моносемии в результате действия языкового автоматизма «один знак – одно значение» (Якубинский, 1986: 31), исключаяющего внутрисистемную идеографию. Последнее объясняется таким свойством диверсификации языковых систем, как ризоматичность: единицы определенного лексико-семантического поля языка-реципиента образуют *ризому* (фр. *rhizome* – «разветвленность, корневище»; термин Ж. Делёза и Ф. Гваттари, 1977), добавление элементов которой (в частности путем заимствования) подразумевает автоматическое приобретение ими дифференциальных признаков, разрушающих парадигматические отношения синонимии и, следовательно, вариантность. В сравнении с синонимичными единицами другого языка элементы ризомы составляют расчлененное понятие, часто переводимое гиперонимически (генерализованно) в силу отсутствия в другом языке похожей ризомы, ср. в англ. *royal, kingly, monarch* с рус. *королевский*, в нем. *Finger, Daumen, Zeh(e)* с рус. *палец*. Тем самым, утверждение об интралингвистической подложке заимствования как способе ликвидации языковой лакуарности представляется весьма спорным.

Среди регулярных интралингвистических причин, представляющих класс сугубо миноритарных явлений в сложной парадигме изменения языковой системы, следует назвать случаи заимствования более компактных, экспрессивных, запоминающихся единиц с «отточенными» звукокомплексами (*поставить «лайк»*) или привлекательных словообразовательных моделей, позволяющих экономить речевые усилия: акронимических (*laser – light amplification by stimulated emission of radiation*), универбированных (*layout*), гибридных (с нумерической и буквенной частями: *Windows 8*), неоморфических (*italy – I trust and love you*), контракционных (*doc* вместо *doctor*, *bot* вместо *robot*), контаминированных (*motel* из *motor* и *hotel*) и т. д. В большинстве же своем предпосылки заимствования, как отмечено ранее, детерминированы экстралингвистически, подтверждение чему находим у различных теоретиков данного явления: к примеру, Л. П. Крысин пишет о «появлении новых общественных условий, выступающих ускорителями языковых процессов» (Крысин, 1989: 26); В. М. Жирмунский считает «основные линии развития языка отражением изменений общественной идеологии, обусловленных в конечном счете развитием общественно-экономических отношений» (Жирмунский, 1948: 296).

Доказательством сказанному выступает природа такого явления, как псевдозаимствование, имеющее исключительно экстралингвистическую этиологию. Как правило, его можно наблюдать при инвазивном типе заимствования, признаком которого является преобладание неологизмов, заимствованных или образованных на основе заимствованного материала, над собственными новообразованиями. Данный тип заимствования обозначается также экзогlossным по аналогии с типом языковой ситуации, в которой наиболее коммуникативно мощным выступает компонент иностранного происхождения – металект (Виноградов, 1990: 616, 617),

являющийся для базового компонента (экспонента) одновременно языком-донором. Попадая в язык-реципиент, заимствования функционируют на начальном этапе бытности в новой системе в качестве неологизмов и составляют, таким образом, наряду с другими неологизмами область неологизации (языкового прироста). Если при умеренном типе заимствования область языкового прироста функционирует изоморфно, т. е. совокупное количество новозаимствованного материала не превышает половины всех неологизмов ($<0,5$), то экзоглоссный тип заимствования индицирует тенденцию к языковой инвазии, при которой наблюдается существенное преодоление порога изоморфизма и преимущественно диаморфное функционирование отдельных участков языковой системы или системы в целом ($>0,5$) (Кобенко, 2014: 18–19). Псевдозаимствования выступают своеобразным индикатором наметившейся тенденции языковой системы к диаморфизму; их появление свидетельствует о такой спецификации словообразовательных механизмов, при которой производящими основами выступает заимствованный морфологический материал определенного языка-донора. Данное обстоятельство побуждает обозначать псевдозаимствования апостериорными образованиями наряду с априорными – обычными лексическими заимствованиями. Итак, **первым существенным признаком рассматриваемого явления выступает его вторичность по отношению к собственно заимствованию**, которое становится фундаментом для последующих процессов (апостериоризации), связанных с функционированием заимствованного иноязычного материала в языке-реципиенте.

Вторым по значимости признаком псевдозаимствований является их неизвестность и непонятность носителям самого языка-донора, ср. глагол *стритовать* в значении «зарабатывать деньги уличным музицированием» от англ. *street* при отсутствии в английском языке глагола **to street*, что, однако, не мешает отдельным псевдозаимствованиям прочно войти в международный обиход, к примеру: слово *smoking* в значении «костюм», отсутствующее и в американском, и в британском вариантах английского языка. Наблюдаются случаи так называемого *обратного* заимствования псевдозаимствований главным образом через интенсивные языковые контакты, ср. единицу *Handy* в значении «сотовый телефон», образованную в немецком языке путем псевдозаимствования из англоязычного материала и заимствованную представителями отдельных регионов США. Данное обстоятельство доказывает необходимость искусственного отбора, преодолевающего границы современных языков и позволяющего даже носителям языка-донора признавать преимущество апостериорных образований на основе материала собственного языка из других языков-реципиентов. В работах последних лет, затрагивающих проблему псевдозаимствования, сложилась практика интерпретации псевдозаимствования как феномена потери «принципа обратимости» по В. В. Кабакчи (Кабакчи, 1998: 48). Во-первых, из приведенных выше примеров видно, что коммуникативная и семантическая обратимость возможна даже у псевдозаимствований, однако подразумеваемая морфологическая обратимость, предполагающая мотивированность, историко-этимологическую связность, т. е. некий путь единицы из языка-донора в язык-реципиент, не может быть потеряна в силу её отсутствия. Во-вторых, «принцип обратимости» может нарушаться со временем даже у регулярных заимствований (ср. единицу *шланг* в русском языке, утратившую обратимость с нем. *Schlange* «змея» при сохраняющейся морфологической параллели), что делает данный критерий непригодным для идентификации псевдозаимствования. На первый взгляд, описываемый признак рассматриваемого явления ставит под вопрос правомерность использования в исследованиях терминологических элементов контактологической антиномии «язык-донор vs. язык-реципиент». Положение усугубляет присутствие во многих работах, посвященных описанию данного явления, терминологической неувязки: псевдозаимствование «образуют» или «заимствуют»? Безусловно, невозможно исключить факт заимствования самой производящей основы и способа суффиксальной деривации (*-ing* в *smoking*), изначально

присущей английскому языку и манифестирующей его языком-донором, однако познание вторичности (апостериорности) псевдозаимствования недвусмысленно свидетельствует о словообразовательном детерминизме его природы. Указанная же антиномия является базовой для описания языковых контактов и их последствий; ее использование значимо прежде всего для дифференциации языковых систем, причастных к факту языкового контакта, и не может пересматриваться с учетом диверсификации симптомов данного контакта.

Третьим существенным признаком выступает манипуляторный характер образования изучаемого явления. В данном аспекте псевдозаимствования могут рассматриваться двояко: либо как продукты **сознательной** манипуляции носителями заимствованным морфологическим материалом, например, для идеологических целей, либо как феномен «реактивной мощности» языковой системы, вынужденной постоянно создавать новое из имеющихся средств, в условиях экзогlossной языковой ситуации. В первом случае нередко происходит образование номенклатурных эвфемизмов, «маскирующих» средствами языка-донора определенные изъяны, недостатки, пороки и т. п. там, где их обозначение средствами собственного (титульного) языка создавало бы неудобства в коммуникации (Götze, Traoré, 1998: 7), ср. в нем. единицы *Longseller* «долго не продающийся товар» (по аналогии с *Bestseller*), *Outing* «публичное признание главным образом в нетрадиционной сексуальной ориентации». Чрезвычайно богата такого рода псевдозаимствованиями управленческая номенклатура в современной России. Изучающие английский язык функционеры порождают многочисленные языковые новинки вроде *foresight mastering* «управление развитием» или *business breeder* «бизнес-инкубатор», активно создавая узус, во многом схожий с окказиональным словотворчеством детей (наивными окказионализмами): изобретением новых слов (*невест*, *обужда*), снабжением уже имеющихся единиц новыми оттенками значений или новой лексической сочетаемостью (*кожа стен – обои*) и т. п. Во втором случае манипуляция иноязычным материалом приобретает характер **вынужденной** и восходит к степени престижности определенного иностранного металекта в экзогlossной языковой ситуации: носители вынуждены привлекать к словообразованию производящий морфемный материал языка-донора в силу его популярности в коммуникативной практике. «Реактивная мощность» языковой системы, т. е. постоянно действующий механизм порождения нового доступными (рекуррентными) средствами, массово тиражируемыми в речевой практике, обрекает саму систему на производство псевдозаимствований в условиях экзогlossии. Таким образом, чем выше коммуникативная мощность языка-донора (металекта), тем выше коэффициент диаморфизма в речи носителей языка-реципиента и, следовательно, более насыщенное содержание псевдозаимствованных единиц. Кумулятивная функция лексико-семантической системы, противопоставленная барьерной функции запретительной (пуристической) языковой политики, только способствует вынужденной манипуляции, наглядным примером которой выступают две группы апостериорных образований в немецком языке ФРГ, типологически образующие в его лексико-семантической системе отдельную ризому: 1) лексические и 2) синтаксические псевдозаимствования.

1. Согласно результатам единственного на сегодняшний момент исследования, дающего количественное представление о сегменте псевдозаимствований в лексическом составе немецкого языка, **20 % всех новообразований в нем за период 1990–1999 гг. составляют единицы, созданные на основе англоязычного материала** (Herberg et al., 2004: XV). Тем самым, в корпусе зафиксированных Д. Гербергом 800 неологизмов 90-х гг. числятся приблизительно 160 псевдозаимствованных единиц из английского языка, среди которых наиболее известны следующие: *Twen* «человек в возрасте от 20 до 30 лет» (по аналогии с *Teen*), *Dressman* «мужской манекен», *Pullunder* «свитер, надеваемый под одежду» (по аналогии с *Pullover*), *Service Point* «окно, касса на вокзале», *Steadyseller* «постоянный бестселлер», *Beamer* «видеопроектор» и др.

2. Синтаксические псевдозаимствования представляют линейно-комбинаторные способы манипуляции англоязычным языковым материалом по образцу немецких синтаксических конструкций, часто служащие источником юмора и предметом ортологических диспутов,

ср.: *you can say „you“ to me* (по аналогии с *Sie können „du“ zu mir sagen* «Вы можете обращаться ко мне на „ты“»), *you are right to say this* (по аналогии с *Sie haben Recht, das zu sagen* «Вы вправе это утверждать»).

Итак, псевдозаимствование представляется двойственным явлением: с одной стороны, приведенные выше признаки экстралингвистической обусловленности и само обозначение подчеркивают его экзогенную природу, с другой стороны, вторичность продуктов псевдозаимствования по отношению к собственно заимствованию свидетельствует о его эндогенном характере, т. е. принадлежности к внутренним процессам системы языка-реципиента. Интенсивность образования псевдозаимствований пропорциональна степени популярности заимствованного материала языка-донора в коммуникативной практике носителей языка-реципиента. Явление псевдозаимствования – симптом диверсификации системы языка и интернационализации морфологического субстрата языков-макропосредников: в условиях интенсивных международных контактов неологизация прекращает быть собственно языковым явлением и, подчиняясь тенденциям экстрапорядка, становится залогом гибридизации диверсифицирующихся языковых систем, индикатором которой выступает повышающийся языковой диаморфизм современных литературных языков.

Список литературы

- Deleuze G., Guattari F.* Rhizom. Berlin: Merve, 1977. 65 S.
Götze L., Traoré S. Pseudo-Englisch, „Dummdeutsch“, „Plastikwörter“ und Übersetzungsprobleme // *Nouveaux Cahiers d'Allemand*. 1998. Non. 3. P. 7.
Herberg D., Kinne M., Steffens D., Tellenbach E., Al-Wadi D. Neuer Wortschatz: Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2004. 393 S.
Виноградов В. А. Языковая ситуация // *Лингвистический энциклопедический словарь* под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616–617.
Жирмунский В. М. История немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. 300 с.
Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Института внешнеэкономических связей, экономики и права, 1998. 231 с.
Кобенко Ю. В. Тенденции к диаморфизму в современном немецком языке // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2014. Вып. 3(5). С. 17–22.
Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты современного русского языка. М.: Наука, 1989. 186 с.
Якубинский Л. П. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. 205 с.

Кобенко Ю. В., доктор филологических наук, доцент, профессор.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Энергетический институт.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: serpentis@list.ru

Материал поступил 01.02.2016

Kobenko Y. V.

THE EXTRALINGUISTIC DETERMINISM OF THE NATURE OF PSEUDOBORROWING

The article attempts to provide a systemic description of the phenomenon of pseudoborrowing which is characteristic for modern literary languages. The focus of discussion is the extralinguistic determinism of this phenomenon also peculiar to conventional borrowings. The first significant feature of pseudoborrowing appears its secondary character to the actual borrowing, which becomes the foundation for the subsequent processes of a posteriori word formation within the recipient language. The second important

feature of pseudoborrowing is its being unknown and incomprehensible by speakers of a donor language. The third one is the manipulative character of this language phenomenon. Under this aspect pseudoborrowing can be viewed in two ways: either as a result of conscious manipulation of borrowed morphological material by recipient language speakers, e. g., for ideological purposes; or as a phenomenon of “reactive power” of language system, constantly forced to create something new out of available means within an exoglossic language situation. Pseudoborrowing is considered an ambivalent phenomenon: on the one hand, mentioned above extralinguistic determinism features and the designation itself emphasize its exogenous nature; on the other hand, the a posteriori nature of its products compared with the actual borrowing testify to its endogenous nature, i. e., belonging to the internal processes of a recipient language. The intensity of forming pseudoborrowings is proportional to the prestige of the borrowed donor language material in the communicative practice of recipient language speakers. The phenomenon of pseudoborrowing is a symptom of the diversification and internationalization of the morphological substrate of a certain lingua franca. The advantage of the approach proposed lies in the possibility of a holistic interpretation of the nature of pseudoborrowing considering trends of sociolinguistic and contactological orders.

Key words: *pseudoborrowing, a posteriori coinages, manipulation, diamorphism tendencies, exoglossic language situation.*

References

- Deleuze G., Guattari F. *Rhizom* [Rhizome]. Berlin: Merve, 1977. 65 S.
- Götze L., Traoré S. Pseudo-Englisch, „Dummddeutsch“, „Plastikwörter“ und Übersetzungsprobleme [Pseudo-English, „Silly German“, „Plastic Words“ und Translation Problems]. *Nouveaux Cahiers d’Allemand*, 1998. Nom. 3, p. 7.
- Herberg D., Kinne M., Steffens D., Tellenbach E., Al-Wadi D. *Neuer Wortschatz: Neologismen der 90er Jahre im Deutschen* [The New Vocabulary: Neologisms of the Nineties in German]. Berlin, NY: Walter de Gruyter, 2004. 393 S.
- Kabakchi V. V. *Osnovy angloyazychnoy mezkul'turnoy kommunikatsii: uchebnoe posobie* [The Basic Principles of Intercultural Communication: A Study Aid]. St. Petersburg, Izd-vo Instituta vneshneekonomicheskikh svyazey, ekonomiki i prava Publ., 1998. 231 p. (in Russian).
- Kobenko Yu. V. Tendentsii k diamorfizmu v sovremenom nemetskom yazyke [Diamorphism Tendencies in the Contemporary German]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 3(5), pp. 17–22 (in Russian).
- Krysin L. P. *Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka* [Sociolinguistic Aspects of Studying the Contemporary Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 186 p. (in Russian).
- Vinogradov V. A. Yazykovaya situatsiya [A Sociolinguistic Situation]. *Lingvisticheskiy entsyklopedicheskiy slovar' / pod red. V.N.Yartsevov*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya publ., 1990. Pp. 616–617 (in Russian).
- Yakubinskiy L. P. *Yazyk i ego funktsionirovanie* [Language and its Functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 205 p. (in Russian).
- Zhirmunskiy V. M. *Istoriya nemetskogo yazyka* [The History of the German Language]. Moscow, Izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1948. 300 p. (in Russian).

Kobenko Yu. V.

National Research Tomsk Polytechnic University,

Department of Foreign Languages.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: serpentis@list.ru